

3. Федеральный закон РФ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
4. Косова О. Ю. Семейный кодекс Российской Федерации и некоторые вопросы регулирования брачно-семейных отношений // Правоведение. 1996. № 2. С. 46–53.
5. Нарозников Н. К. К вопросу о договорном регулировании / Н. К. Нарозников // Юридический мир. 2007. № 11. С. 32.
6. Батлер Е. А. Непоименованные договоры. М.: Экзамен, 2008. С. 140.
7. Жуков Б. Н. О некоторых вопросах установления отцовства в добровольном порядке, не урегулированных действующим законодательством // Семейное право. 2004. № 2. С. 8–9.
8. Батлер Е. А. Указ. соч. С. 136–137.
9. Огородов Д. В., Чельшев М. Ю. К вопросу о видах смешанных договоров в частном праве // Законодательство и экономика. 2006. № 2. С. 9.
10. Шевчук С. С. Проблемы правового регулирования отношений по оказании медицинских услуг. Ставрополь: Сервисшкола, 2007. С. 260.
11. Батлер Е. А. Указ. соч. С. 136–137.
12. Шевчук С. С. Некоторые проблемы правового регулирования применения искусственных методов репродукции // Юрист. 2003. № 9. С. 18.
13. Тарусина Н. Н. Семейное право: учебное пособие. М.: Проспект, 2001. С. 16.

УДК 342.721 (470.) (430.2)

Мазиев Арсен Усманович

КОМПЕНСАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА ПРИ НАРУШЕНИИ ПРАВА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В ГЕРМАНСКОМ И РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

В статье рассматривается компенсация морального вреда как способ гражданско-правовой защиты в германском и российском гражданском праве, проводится сравнение оснований компенсации морального вреда в германском и российском гражданском праве.

Ключевые слова: компенсация, неприкосновенность, моральный вред, нарушение, суд.

Maziyev Arsen Usmanovich

COMPENSATION OF THE MORAL DAMAGE IN THE EVENT OF THE VIOLATION OF THE RIGHT TO INVIOABILITY OF PRIVATE LIFE IN THE GERMAN AND THE RUSSIAN CIVIL LAW

Reviews the compensation of the moral harm as a way of civil-legal protection in the German and the Russian civil law, a comparison is made of grounds for compensation of moral harm in the German and the Russian civil law.

Key words: compensation, personal privacy, moral damage, violation, court.

Компенсация морального вреда является способом гражданско-правовой защиты, предусмотренным только для случаев посягательства на нематериальные блага, принадлежащие гражданину. Именно этот способ должен представлять собой наиболее эффективную защиту нарушенного личного неимущественного права, в том числе права на неприкосновенность частной жизни, поскольку сам институт компенсации морального вреда специально создан, чтобы отвечать этим целям. Тем не менее, судьба этого института в общем и особенности его применения к нарушениям права на неприкосновенность частной жизни в частности в германском и российском гражданском праве резко различаются.

Компенсация морального вреда в законодательстве Германии регулируется § 847 Германского гражданского уложения (далее – ГГУ) и в доктрине называется «Schmerzensgeld» – «деньги за страдания» или «денежная компенсация за страдания» (далее – компенсация за страдания). Однако в связи с тем, что это название выработано германской правовой доктриной и судебной практикой, а в самом тексте § 847 ГГУ, как и в других нормах Уложения, оно отсутствует, Верховный суд Германии обычно упоминает о «так называемой компенсации за страдания» (9, с. 33). Непосредственно в тексте § 847 ГГУ речь идет о выплате денежной компенсации за вред, который «не является имущественным», причем эта компенсация предусмотрена данной нормой лишь для случаев, когда такой неиму-

щественный вред наступает в результате неправомерного действия, причиняющего телесные повреждения или иной вред здоровью либо неправомерно ограничивающего свободу потерпевшего.

В отечественной правовой практике, хотя институт возмещения вреда, причиненного чувствам потерпевшего, особенно в случае оскорбительных позорящих действий, был известен отечественному праву еще со времен Русской Правды (IX век) (5), его и без того медленное развитие было совершенно приостановлено в годы советской власти. Ситуация с непризнанием в советской гражданско-правовой доктрине самой возможности компенсации неимущественного вреда усугублялась отсутствием в ней понятия «право на неприкосновенность частной жизни». Лишь 1990-х годах прошлого столетия в отечественное гражданское законодательство вошла норма о компенсации морального вреда (4), которая была распространена на случаи нарушения права на неприкосновенность частной жизни только в действующем Гражданском кодексе РФ.

Компенсация морального вреда получила свое признание и закрепление в отечественном гражданском законодательстве. Практически механизмы компенсации морального вреда при нарушении права на неприкосновенность частной жизни в России существуют и развиваются лишь чуть более десяти лет, что во многом обуславливает серьезные проблемы их реального применения.

Наиболее актуальными с точки зрения практического применения представляются вопросы выявления оснований для возникновения права на компенсацию морального вреда в случае нарушения права на неприкосновенность частной жизни (условий деликтной ответственности) и критериев определения размеров компенсации.

Общее правило о компенсации морального вреда закреплено в статье 151 части 1 ГК РФ: если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда.

Первое основание для компенсации морального вреда – совершение правонарушителем определенных действий в отношении потерпевшего. Здесь сразу следует сделать два важных замечания. Во-первых, представляется, что речь должна идти как о действиях, так и о неправомерном бездействии (не совершении необходимых действий). Отечественные исследователи также прямо указывают на то, что основанием компенсации являются как действия, так и бездействие причинителя вреда (7, с. 8).

Вторым уточняющим фактором является то, что действия (бездействие) причинителя вреда должны носить неправомерный (противоправный) характер. Это положение отсутствует в статье 151 ГК РФ, однако подразумевается согласно общим принципам права и особо подчеркивается в работах отечественных правоведов (7, с. 85; 1, с. 127). Противоправность, согласно российскому законодательству, презюмируется, а ее отсутствие должно быть доказано ответчиком. В германском праве, напротив, бремя доказывания противоправности возложено на истца.

Возможно выявление дополнительных требований к действиям (бездействию), способных служить основанием для компенсации морального вреда в случае нарушения отдельных аспектов права на неприкосновенность частной жизни.

Вторым основанием для компенсации является наличие негативных последствий неправомерных действий в форме морального вреда. Этот вопрос обнаруживает при изучении определенные сложности. Они связаны, прежде всего, с самим понятием морального вреда.

В ГК РФ моральный вред понимается как «физические или нравственные страдания». И сам термин, и такое его объяснение нельзя признать удачным для раскрытия данного понятия. В русском языке понятия «моральный» и «нравственный» являются синонимами. Поэтому справедливым можно признать замечание некоторых исследователей о том, что более точно было бы использовать в законодательстве термин «неимущественный вред» (3, с. 48) или «психический вред» (7, с. 5).

Под страданиями, подлежащими компенсации, в германском праве понимаются как физические, так и психические страдания (10, с. 940). В связи с этим можно сделать вывод, что содержание морального вреда в российском праве и страданий в германском праве полностью совпадает. Иногда вместо термина «страдания» в германской юридической литературе употребляется термин «вред чувствам» (*Gefühlsschaden*) (9, с. 34).

Поэтому при определении морального вреда в ГК РФ удачнее было бы использовать не взаимоисключающую альтернативу «физические или нравственные страдания», а сочетание: «нравственные и/или физические страдания».

Сложность выявления морального вреда состоит в том, что психические переживания – категория субъективная и их непросто доказать. Нарушение одного и того же аспекта права на неприкосновенность частной жизни может вызвать нравственные страдания различной глубины в зависимости

от особенностей психики потерпевшего. Один человек отреагирует на разглашение его личной тайны затяжной бессонницей и депрессией, другой встретит это же известие со спартанским спокойствием третий будет скрывать свои переживания под маской выдержанности и самоконтроля.

В отечественной правовой доктрине исследователи говорят о необходимости презумпции наличия морального вреда, а бремя доказывания обратного (например, пострадавший в силу слабоумия не мог испытать переживаний вследствие разглашения его личной тайны) предлагают возложить на нарушителя (1, с. 126–127; 7, с. 48). В настоящее время применение принципа презумпции морального вреда прямо не вытекает из российского законодательства, однако обзор практики показывает (8, с. 40–56), что суды фактически применяют его, хотя в ряде случаев встречается назначение экспертиз для установления факта его наличия.

В случае нарушения права на неприкосновенность частной жизни у потерпевшего в Германии возникает больше оснований для компенсации морального вреда, чем в случае нарушения ряда других личных неимущественных прав, особенно это относится к правонарушениям, совершенным по неосторожности. Такой подход представляется вполне оправданным. Во-первых, он обусловлен самим характером нарушаемого блага. Это возвышает важность права на неприкосновенность частной жизни в сопоставлении с некоторыми другими личными неимущественными правами (например, с авторскими правами). Во-вторых, нарушения права на неприкосновенность частной жизни носят виновный характер, причем в форме умысла или грубой неосторожности. Это обстоятельство всегда усиливает страдания потерпевшего, ведь оно подразумевает волю нарушителя к наступлению у потерпевшего негативных психологических последствий.

Компенсация за страдания в германском гражданском праве тесно связана с неимущественным вредом, под которым германское право понимает умаление неимущественных прав и благ, принадлежащих личности. Как указывалось выше, выплата компенсации в случае причинения неимущественного вреда предусмотрена в § 847 ГГУ – специальной норме, регулирующей отношения, возникающие в связи с причинением такого вида вреда. Общей же нормой, регулирующей эти отношения, возникающие в связи с причинением вреда, является § 823 ГГУ:

«(1) Кто противоправно, умышленно или неосторожно посягает на чью-либо жизнь, телесную неприкосновенность, здоровье, свободу, право собственности или какое-либо иное право другого лица, тот обязан возместить причиненный этим вред.

(2) Равную обязанность несет и тот, кто нарушил закон, направленный на защиту других лиц. Если по содержанию такого закона возможно его невиновное нарушение, то обязанность возмещения причиненного вреда возлагается только при наличии вины» (6, с. 272).

Нарушение телесной неприкосновенности – это не только причинение вреда целостности тела, но и любое иное вмешательство во внешнюю неприкосновенность (например, сбривание волос с головы или тела). Под причинением вреда здоровью понимается нарушение физических и психических жизненных процессов в человеческом организме. Косвенным доказательством причинения вреда здоровью является, как правило, необходимость соответствующего лечения.

Третьим основанием компенсации морального вреда за нарушение права на неприкосновенность частной жизни является причинно-следственная связь между поведением нарушителя и возникшим в результате этого у пострадавшего моральным вредом. В германском праве на правила о причинно-следственной связи влияет форма вины. При умышленном причинении вреда в судебной практике применяется следующее правило: если определенный результат мыслился как желаемый, он с точки зрения причинно-следственной связи никогда не может быть сочтен слишком отдаленным.

В российской правовой доктрине подход к наличию причинно-следственной связи между правонарушением и наступившим моральным вредом одинаков как в случае умысла, так и в случае неосторожности. Причинно-следственная связь поясняется следующим образом: противоправное действие должно быть необходимым условием наступления страданий и его главной причиной. Одни исследователи полагают, что для существования причинно-следственной связи поведение нарушителя должно с неизбежностью повлечь причинение морального вреда (8, с. 86); другие отмечают, что достаточно, чтобы оно хотя бы обусловило конкретную возможность его наступления (1, с. 128; 2, с. 149).

Четвертым основанием возникновения права на компенсацию за нарушение неприкосновенности частной жизни является наличие вины нарушителя. Согласно российскому законодательству, вина причинителя вреда презюмируется, а бремя доказывания ее отсутствия лежит на ответчике. Форма вины не имеет значения для наступления ответственности, но учитывается при определении размера компенсаций морального вреда.

Поскольку перечень правовых благ в этой норме оставлен открытым, как и в ст. 150 ГК, в германской судебной практике уже определены и продолжают определяться различные типы нарушений

всеобщего права личности, которые порождают право на компенсацию страданий. К числу подобных правонарушений следует отнести нарушение тайны переписки и записей конфиденциального характера, вмешательство в частную жизнь лица путем несанкционированной фотосъемки, разглашение сведений о частной жизни лица, использование имени лица в рекламных целях без его разрешения. Причиненные подобными действиями страдания могут порождать право требования денежной компенсации. Такой подход получил развитие и закрепление в процессе принятия многочисленных судебных решений, и Федеральный конституционный суд Германии подтвердил его конституционность.

Таким образом, подход, при котором учитываются степень и тяжесть страданий потерпевшего более соответствует сути понятия «моральный вред» и в большей степени отвечает интересам защиты нарушенного права

Литература

1. Гушин Д. И. Юридическая ответственность за моральный вред (теоретико-правовой анализ). СПб.: ЮридцентрПресс, 2002.
2. Иоффе О. С. Развитие цивилистической мысли в СССР. Ч. 2. Ленинград.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1978.
3. Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: Понятие, осуществление, защита. М.: МЗ-Пресс, 2000.
4. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик. Новые законы о предпринимательстве / вступ. ст. А. Маковского, Е. Суханова. М.: Статут, 1991.
5. Русская Правда. Пространная редакция: Хрестоматия по истории государства и права России. учеб. пособие / сост. Ю. П. Титов. М.: ПРОСПЕКТ, 2004.
6. Шапп Я. Основы гражданского права Германии: учебник. М.: БЕК, 1996.
7. Эрделевский А. М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики. 3-е изд., испр. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2004.
8. Эрделевский А. М. Моральный вред и компенсация за страдания. М.: БЕК, 1997.
9. Lorenz E. Immaterieller Schaden und «billige Entschädigung in Geld». Berlin, 1981.
10. Teichmann A. Bürgerliches Gesetzbuch. Muenchen, 1997.

УДК 34.342

Некрасов Евгений Ефимович, Андрианова Мария Александровна

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИИ ВЫБОРОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена вопросам правового регулирования организации взаимодействия избирательных комиссий и средств массовой информации. Приводится классификация средств массовой информации в зависимости от их роли в избирательном процессе. Рассматриваются основные формы взаимодействия.

Ключевые слова: избирательное право, выборы, избирательные комиссии, свобода массовой информации, предвыборная агитация.

Nekrasov Evgeny Efimovich, Andrianova Maria Aleksandrovna
**INTERACTION OF MASS MEDIA AND SELECTIVE THE COMMISSIONS
AT THE ORGANIZATION AND ELECTIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Article is devoted to questions of legal regulation of the organization of interaction of election commissions and mass media. Classification of mass media depending on their role is given in electoral process. The main forms of interaction are considered.

Key words: electoral right, elections, election commissions, freedom of mass information, pre-election campaign.

Статьей 29 Конституции Российской Федерации¹ в нашей стране провозглашен и гарантирован режим свободы массовой информации, который подразумевает свободное распространение средствами массовой информации сообщений и сведений для неограниченного круга лиц.

¹ Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // Российская газета. № 237 25.12.1993.